

чена, – лычко вместо пояса»), что характерно для недоброй Устречи (Невстречи). Путников, согласно поверьям, может морочить нечистая сила неясного облика. Коробейники стараются припомнить, не встречали ли они «лесника» ранее. Недоброе предзнаменование – и кличка его пса (Упырь). Диковатого с виду «лесника» странники-коробейники называют «стрелец», «охотничек», что на фоне быстро надвигающейся на лес темноты и пугающих вечерних звуков может восприниматься как напоминание о той самой «дикой охоте». Да ведь и известный оберег от насильственной смерти – «бирюзовый перстенёк» – взяла у Вани на память Катеринушка, так что коробейники лишены теперь этой могущественной защиты.

Детали последней встречи предвещают недоброе. Так, повсеместно распространено поверье о том, что «ухалица», «сыч» предсказывают несчастье. Нечистая сила под названием «болотный», или «кочечный» (а дело происходит на болоте), часто предстаёт в образе собаки, издаёт крики, похожие на птичьи, подворачивает под ноги болотные кочки. Коробейникам слышатся крики куропаток, сыча, кочки мешают идти. Мнимый лесник изображает больного лихорадкой («лихоманщик», по А.Н.Афанасьеву, – «злой, обманчивый человек»). «Встрешными» часто именовались болезни, наступающие путника в дороге. По народным поверьям, в разговоре с встреченным по дороге человеком нельзя касаться тем рыбалки, охоты, суда – можно отпугнуть удачу. Однако некрасовские странники-коробейники только об этом и говорят с «лесником»: разговор заходит об охоте, о ружье, о суде (невинно осуждённом ткаче).

Что ж, некрасовские коробейники, подобно фольклорно-мифологическим героям, выбирают свою долю: Ваня – «женатым быть»,

Тихоныч – «богатым быть», но обоим постигает участь «убитым быть». Поэма обрывается неожиданно не в сюжетном смысле (с точки зрения сюжета события получили логическое завершение – «*Погребенью мёртвых предали, лесника в острог свезли...*»), а в идейном. Многоточие в последней строке и незавершённость сюжетной линии только одной несчастной Катеринушки видится «многоточием» смысловым: какова же перспектива русского пути, русской судьбы...

Ржаное поле – образ, очень часто встречающийся в поэзии Некрасова. Начальная строка его поэмы «Тишина» содержит ёмкое сравнение: «*Всё рожь кругом, как степь живая*». Похожий образ находим и в упомянутом выше докладе Блока «*Стихия и культура*»: «...И кажется порою, что и холм живой, и дерево живое, и церковь живая, как сам мужик – живой».

Ржаное поле, ржаной колос у Некрасова часто не детали пейзажа, а участники мистериального действия. В стихотворении «*Похороны*» ритуал погребения «*молодого стрелка*» совершается «*без церковного пеня, без ладана, без всего, чем могила крепка*». Но похоронили самоубийцу «*меж двумя хлебобородными нивами*», где «*высокая рожь колыхалась*». В стихотворении Некрасова «*Сеятелям*» (1876) основные образы «сеятель», «нива», «семена» и даже «жито» восходят к евангельской аллегории и находятся в русле пушкинской традиции («*Свободы сеятель пустынный...*»).

Есть в поэзии Некрасова сложный образ, превращающийся в символ, – «несжатая полоса». Возможно, это стихотворение связано со словами Нового Завета: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин 12:24). «Павшее в землю зерно» – образ, конечно, бо-

лее древний, чем Евангелие, он восходит к Элевсинским мистериям и к ещё более древним культам – как связанный с «проблемой духовного возрождения неопифита»⁷. В английской поэзии этот мифологический мотив своеобразно преломился в балладе Р.Бёрнса «*Джон Ячменное Зерно*». Однако образы несжатой полосы и забытой деревни в поэзии Некрасова намного трагичнее, чем их поэтические аналоги в английской поэзии. Мифологический мотив «мучения злаков», положенный в основу баллады Бёрнса, утверждающей жизненную силу народа, у Некрасова видоизменён в мотив «несжатой полосы» как метафоры трагической неволе русского народа на путях мировой истории. Такова же, по Некрасову, и участь русского писателя-сеятеля, которому лишь во сне слышится песня ангела (может быть, добавим, и серафима): «*И вновь блаженные часы ты обретёшь, собирая колос с своей несжатой полосы*» («Сон», 1877).

Тютчев в своём стихотворении о «крае родном долготерпенья», по сути, создал апокриф, Некрасов же в «*Забытой деревне*» и особенно в «*Несжатой полосе*», где присутствуют такие значимые евангельские образы, как зерно, плод, колос, пахарь (он же и сеятель), создал притчу, ориентированную на Новый Завет, но сюжетно совершенно самостоятельную. Если в евангельских притчах Хозяин (Сеятель) всегда приходит, чтобы собрать урожай, рассчитаться с работниками, отделить зёрна от плевел, то у Некрасова хозяин богатого урожая не пожинает его.

Ни один поэт, кроме Некрасова, не осмелился на фоне евангельского смысла (жертва зерна ради будущего «плода») поставить вопрос об исторических жертвах Руси, пожинать плоды которых уже некому. Сказочно богатая и сказочно несчастная «несжатая полоса»...

⁷ Телегин С.М. Элевсинский ритуал на страницах романа Ф.М.Достоевского «*Братья Карамазовы*» // Ф.М.Достоевский в диалоге культур. Материалы международной конференции 25–29 августа 2009. – Коломна, 2009. С.159.